Тв. Евгенію Бачинському від автора
St. Gallen 22. 9. 1918

L'ÉTAT PERPLEXE
DU SOCIALISME OUKRAINIEN EN RUSSIE

E. Batchinsky
N 1719

О БЕЗВЫХОДНОСТИ
УКРАИНСКАГО СОЦІАЛИЗМА
ВЪ РОССІИ

ARCHIVES GENÈVE 1903 Б

О. П.
Гнеф Полинковскій

Imprimerie Russe, route de Lancy, 505. Genève.

1891

О безвыходности

украинскаго соціализма въ Россіи.

(Посвящается вниманію II съѣзда русско-украинской радикальной партіи, 3 и 4 Октября 1891-го года, во Львовѣ, въ Галиціи.)

Amicus Plato, sed magis amica Veritas.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Среди интеллигенціи въ Россіи существуетъ небольшая группа, практическая программа которой исходитъ изъ принциповъ „украинскаго“ соціализма. Эти же принципы являются до значительной степени основаніемъ программы и русско-украинской радикальной партіи въ Галичинѣ. Фактъ этой солидарности побуждаетъ насъ отнестись съ особымъ вниманіемъ къ задачамъ ближайшаго съѣзда этой партіи, имѣющаго цѣлью свѣрить программу партіи съ требованіями практической жизни и съ выводами науки. Въ нравственныхъ узахъ, соединяющихъ насъ съ сторонниками украинскаго соціализма въ Россіи и Австріи, мы черпаемъ

смѣлость высказать съ полной откровенностью тѣ наши взгляды, безпристрастная оцѣнка которыхъ лежитъ въ прямомъ интересѣ украинскихъ соціалистовъ въ Россіи.

Украинскій соціализмъ въ Россіи — явленіе совершенно безжизненное. Причина его безжизненности заключается въ утопичности его основныхъ принциповъ. Эту безжизненность усугубляетъ еще безсознательный самообманъ, порождаемый душной атмосферой русскаго абсолютизма. Украинскіе соціалисты въ Россіи не только не замѣчаютъ мнимости какихъ бы то ни было результатовъ своей дѣятельности, но они и не подозрѣваютъ даже самой невозможности какихъ бы то ни было результатовъ.

I. Что такое украинскій соціализмъ?

Содержаніе украинскаго соціализма слагается изъ двухъ существенныхъ элементовъ: во 1-хъ, изъ недавняго (1) такъ называемаго русскаго соціализма, и во 2-хъ, изъ спеціальныхъ чертъ украинства или, проще сказать, украинофильства. Украинство это отличается отъ архаическаго украинофильства тѣмъ развѣ, что имѣетъ мало общаго съ національною исключительностью послѣдняго. Для того, чтобы опредѣлить жизнеспособность украинскаго соціализма, мы должны, такимъ образомъ, ближе коснуться его составныхъ элементовъ. Начнемъ съ русскаго соціализма.

---

(1) Мы говоримъ „недавняго", потому что имѣемъ всѣ основанія полагать, что только люди, ничему не научившіеся и ничего не забывшіе, держатся еще специфическаго „русскаго" соціализма.

II. Русскій соціализмъ. Его исходъ.

Научный соціализмъ на западѣ покоится — теоретически, какъ и практически — на базисѣ капиталистическаго способа производства и класса наемныхъ рабочихъ, т. е. пролетаріата. Между тѣмъ соотношеніе соціальныхъ силъ пореформенной Россіи далеко было отъ той осязательной опредѣленности въ классовыхъ различіяхъ, какую представлялъ собою Западъ. Это различіе между Россіей и Западомъ и было причиной того, что русскіе соціалисты усвоили себѣ изъ научнаго соціализма лишь общую схему его выводовъ безъ тѣхъ началъ, которыя опредѣляютъ его сущность. Поэтому-то они и далеки были отъ уразумѣнія какъ экономической, такъ и политической структуры пореформенной Россіи. Отмѣна крѣпостного права въ Россіи была правовою санкціею давно совершившагося въ ея жизни процесса, именно перехода отъ хозяйства феодально-натуральнаго къ денежному. Она означала неспособность дворянства играть его прежнюю роль посредника между трудящимися классами и государственной машиной, т. е. фискомъ. Она означала также дальнѣйшую невозможность натуральнаго хозяйства устоять передъ вліяніями всемірнаго рынка. Накопившіеся денежные капиталы нуждались для своихъ операцій въ наличности юридически и экономически „свободныхъ“ рукъ. Еще болѣе своевременнымъ и выгоднымъ для этихъ операцій была возможность располагать такими экономически-несвободными руками, т. е. такими мелкими собственниками, которыхъ постепенно очень легко было бы обратить въ совершенно „свободныхъ“. Сообразно съ этимъ, какъ извѣстно, и была проведена великая реформа

царя-освободителя. Этимъ же принципомъ были проникнуты и позднѣйшія земскія учрежденія, въ которыхъ роль крестьянства, численно самаго большаго въ Россіи, сводилась къ ничтожнѣйшимъ размѣрамъ. Размѣры эти юридически соотвѣтствовали его фактическому безсилію въ области экономической. Экономическій процессъ, въ который вступила пореформенная Россія, являлся, такимъ образомъ, лишь прелюдіей къ окончательному ея вступленію въ семью европейскихъ государствъ, т. е. въ сферу капиталистическаго производства. Но русскіе соціалисты были далеки отъ пониманія сущности этого процесса. Одинъ только классъ бросался имъ въ глаза: это — крестьянство. И вотъ они свое исключительное вниманіе направили на это крестьянство, какъ на факторъ, при помощи котораго только-де и мыслимо было осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ. Остатки первобытнаго коммунизма въ Россіи, т. е. великорусская поземельная община и пресловутая артель разсматривались русскимъ соціализмомъ метафизически (2) сквозь увеличительное стекло. Государственный же механизмъ со всею совокупностью условій эксплуатаціи труда, естественно вытекавшихъ изъ процесса экономическаго развитія Россіи въ прошломъ и настоящемъ, представлялся ему въ видѣ какого-то недоразумѣнія, въ видѣ ничтожнаго нароста, къ которому стоитъ только прикоснуться, чтобъ безъ труда вырвать его съ корнемъ. Но помимо объективныхъ условій русской дѣйствительности, характеризуемой отсутствіемъ капитализма и пролетаріата въ ихъ западно-европейскихъ размѣрахъ, хаотическое состояніе въ воззрѣніяхъ русскихъ соціалистовъ обусловливалось еще традиціоннымъ вліяніемъ бакунинско-прудоновскаго

(2) Т. е. въ состояніи какъ бы абсолютнаго покоя, неизмѣнности и независимости этихъ фактовъ отъ сопровождающихъ ихъ попеременно явленій.

анархизма (3). Вліяніе это сугубо препятствовало ло-

(3) Анархизмъ этотъ исходитъ, какъ извѣстно, изъ отрицанія коллективнаго начала, которое составляло какъ и составляетъ руководящую основу жизни и развитія всѣхъ человѣческихъ обществъ —основу, налагающую неизгладимую печать на весь психическій складъ личностей, слагающихъ общество. Этому началу анархизмъ противоставляетъ принципъ абсолютной автономіи личности или группъ личностей, который онъ беретъ не изъ опровергающихъ его міросозерцаніе соціальныхъ условій развитія и жизни общеста, а изъ мнимыхъ психическихъ склонностей, изъ „духа" индивидуума. Приписывая воображаемому индивидуализму личности какую-то неизмѣнность и непремѣнность, анархизмъ не замѣчаетъ того, что индивидуализмъ этотъ является въ сущности отраженіемъ капиталистическаго начала laisser faire, laisser passer. Онъ не замѣчаетъ, что по мѣрѣ того, какъ ростутъ разнообразіе человѣческихъ потребностей и сложность средствъ къ ихъ удовлетвоенію — автономія эта все больше пріобрѣтаетъ очевидность абсолютнѣйшей фикціи. Тактика анархизма находится въ тѣсной связи съ его основными принципами. Сущность ея выражается въ слѣдующихъ двухъ словахъ: какъ бы покороче? да почему бы и не такъ? Это тѣ логическіе пріемы, за которые Марксъ назвалъ однажды французскихъ заговорщиковъ алхимиками революціи. Сообразно съ этими пріемами анархизмъ относится враждебно къ утилизаціи исторически сложившихся соціальныхъ факторовъ съ цѣлью цѣлесообразнаго и систематическаго воздѣйствія на преобразованіе существующихъ правовыхъ отношеній,—воздѣйствія, вызываемаго измѣнившимися матеріальными потребностями и соотношеніями общества, которыя въ свою очередь явились продуктомъ цѣлаго ряда предварительныхъ историческихъ измѣненій. Относительно прудонизма, въ частности, слѣдуетъ еще добавить, что въ своемъ враждебномъ отношеніи къ капиталистическому способу производства онъ является по преимуществу теоретическимъ выраженіемъ интересовъ мелкой буржуазіи (изъ крестьянъ-„собственниковъ", „самостоятельныхъ" ремесленниковъ и т. п.), которая при автономіи личности считаетъ возможнымъ безвредное для другихъ обезпеченіе своихъ личныхъ выгодъ. Но обезпеченіе это столько же возможно и мыслимо, въ эпоху пара и всемірнаго рынка, какъ возможно и мыслимо возвращеніе современной цивилизаціи къ феодальному періоду. Въ прудонизмѣ-то и слѣдуетъ отчасти искать генезисъ и безспорную глубину воззрѣній „извѣстныхъ" политиковъ въ Россіи, которые палліативами деспотическаго правительства расчитываютъ спасти мелкобуржуазнаго кустаря и крестьянина-собственника отъ разлагающихъ вліяній капитализма и всемірнаго рынка.

гическому усвоенію міровоззрѣнія, положеннаго Марксомъ-Энгельсомъ въ основу современнаго научнаго соціализма, который служитъ теоретическимъ обоснованіемъ рабочаго движенія во всѣхъ капиталистическихъ странахъ Европы и Америки. Слагаясь, такимъ образомъ, изъ противорѣчащихъ другъ другу принциповъ научнаго соціализма и анархизма, который мы въ лучшемъ случаѣ можемъ отнести къ системамъ утопическаго соціализма, русскій соціализмъ былъ съ самаго начала обреченъ на блужданіе въ лабиринтѣ субъективныхъ измышленій и чисто эмпирическихъ пріемовъ. Этимъ эмпиризмомъ и характеризуется его практическое примѣненіе въ теченіе чуть-ли не 20 лѣтъ. Пренебрежительное отношеніе къ завоеванію конституціонныхъ учрежденій; пропаганда крестьянскихъ бунтовъ безъ всякой реальной возможности привести ихъ къ какимъ нибудь серьезнымъ размѣрамъ; пропаганда соціалистическихъ идей или, вѣрнѣе сказать, *идеаловъ* среди того же крестьянства безъ возможности воплощенія какихъ либо практическихъ цѣлей въ сколько нибудь конкретной организаціи; обращеніе къ „захвату власти“ путемъ террора, въ которомъ принципъ: „все для народа посредствомъ народа“ — уступилъ мѣсто якобинской формулѣ: „все для народа безъ народа“ — вотъ тѣ существенные этапы, на прохожденіе которыхъ русскій соціализмъ былъ фатально обреченъ въ теченіе сравнительно очень непродолжительнаго времени.

Summa summarum — трагическая безъисходность русскаго соціализма зависѣла отъ слѣдующихъ причинъ.

Во 1-хъ) Отъ недостаточнаго пониманія принципа классовой борьбы, которая является борьбою матеріальныхъ классовыхъ интересовъ, а не борьбою отвлеченныхъ идей; въ связи съ этимъ стояло непониманіе того, что выраженіемъ этой борьбы за экономическіе интересы служитъ классовая борьба за политическое господство.

Во 2-хъ) Отъ непониманія того, что политическій строй каждой страны является выраженіемъ фактическаго соотношенія силъ составляющихъ ее классовъ, и что представленіе о государственной власти, какъ о самой себѣ довлѣющей механической надстройкѣ — ничто иное какъ фикція.

Въ 3-хъ) Отъ непониманія того, что сущность соціализма заключается *не* въ вопросѣ о собственности и ея распредѣленіи, а въ вопросѣ **о способѣ производства;** что осуществленіе его подразумѣваетъ предварительное развитіе такого способа производства, переходъ изъ котораго къ соціализаціи орудій производства является неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ не идеологической справедливости, а суровой матеріальной необходимости; что непосредственнымъ реализаторомъ этой необходимости можетъ явиться лишь тотъ классъ, который предварительнымъ способомъ производства сплоченъ въ политическую организацію и который главнымъ образомъ заинтересованъ въ измѣненіи данной экономической структуры общества. Такимъ базисомъ соціализаціи орудій производства научный соціализмъ считаетъ капиталистическій способъ продукціи и сообразно съ этимъ—реализаторомъ соціалистическаго строя—классъ экспропріированныхъ, т. е. пролетаріатъ. Въ Россіи же способъ производства сравнительно недавно только сталъ принимать формы капиталистическаго. Крестьянство же, хотя и далеко не однообразное по своему составу, въ общемъ представляло собою многочисленный классъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, которые, въ силу своего міросозерцанія, обусловленнаго невѣжествомъ, примитивнымъ характеромъ земледѣльческаго труда, разбросанностью на *громадной* территоріи (4), слишкомъ далеки отъ возможности про-

(4) Разбросанность эта исключаетъ почти всякую возможность сплоченнаго дѣйствія противъ современнаго государственнаго механизма, отличающагося, напротивъ, большою подвижностью. Способ-

никнуться идеями соціализма и способности играть роль политически борющагося класса. Напротивъ, отъ значительной части крестьянства—той именно, которая составляетъ болѣе или менѣе устойчивое ядро мелкихъ

ность крестьянскихъ массъ къ сплоченной борьбѣ въ сколько нибудь серьезныхъ размѣрахъ возможна, вообще говоря, лишь при слѣдующихъ исключительныхъ условіяхъ: во 1-хъ, чрезвычуръ острый кризисъ потрясаетъ всю массу крестьянства или, по крайней мѣрѣ, громадную часть его; во 2-хъ, въ этомъ крестьянствѣ болѣе или менѣе сильны традиціи первобытнаго коммунизма въ видѣ поземельныхъ общинъ и федерацій общинъ; и въ 3-хъ, государственный механизмъ еще недостаточно усовершенствованъ въ техническомъ отношеніи, т. е. не отличается, благодаря дурнымъ путямъ и средствамъ сообщенія, надлежащею подвижностью и способностью быстрой концентраціи своихъ силъ. Только при этихъ условіяхъ могли болѣе или менѣе сильно разростись крестьянскія движенія эпохи реформаціи, крестьянско-казацкія войны въ XVII вѣкѣ въ южной части польскаго государства, возстаніе Разина и Пугачева въ Россіи, контръ-революціи Вандеи и Тироля во время великой революціи и наполеоновскихъ войнъ. Съ подавленіемъ же такого рода возстаній, какъ это всюду мы можемъ прослѣдить, крестьянство, втянутое въ новыя условія жизни, противъ которыхъ оно было безплодно возстало, обращается въ квіетическую массу, сознающую свою изолированность и безсиліе. Мало по малу она проникается даже чувствомъ страха и фетишистическаго благоговѣнія передъ тою силою, которая ее сломила. Она способна скорѣе подняться по мнимому или дѣйствительному приказанію этой силы, чѣмъ изъ побужденій личныхъ интересовъ. Избіеніе ~~поляковъ русскими крестьянами~~ по имя „цисаря“ въ сороковыхъ годахъ; борьба хорватскихъ крестьянъ противъ революціонныхъ венгровъ въ защиту того же „цисаря“; содѣйствіе, а не самостоятельная иниціатива, украинскихъ крестьянъ въ дѣлѣ избіенія русскими войсками польскихъ повстанцевъ въ 1863 году; еврейскіе погромы въ началѣ 80-хъ годовъ, когда массы ждали приказанія свыше или думали, что дѣйствуютъ по царскому приказу — все это можетъ служить нѣкоторой иллюстраціей къ высказанной нами мысли. Этотъ поворотъ въ крестьянствѣ *не* находится, конечно, въ связи съ мистическими особенностями его „духа“, а просто вытекаетъ изъ того факта, что съ разложеніемъ и замираніемъ натуральнаго хозяйства, означающаго силу села и его господство надъ городомъ, роли эти на зарѣ капиталистической фазы развитія діаметрально измѣняются: село подпадаетъ подъ полное владычество города.

Ф. польскихъ панъ мазуранъ.

собственниковъ—въ лучшихъ случаяхъ уразумѣнія ею цѣлей соціализма скорѣе слѣдуетъ ожидать, какъ о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ Западъ, прямо враждебнаго отношенія къ соціализму.

Въ 4-хъ) наконецъ, отъ непониманія той истины, что именно наличность многочисленнаго крестьянства и соотвѣтствующаго ему слабаго развитія капитализма, т. е. буржуазіи и пролетаріата, и составляетъ самую мощную и необходимую опору господствующаго въ Россіи деспотизма (5).

Всѣ эти соображенія едва-ли даютъ намъ основаніе разсматривать русскій соціализмъ, какъ и все революціонное движеніе въ Россіи за послѣдніе 30 лѣтъ, какъ

---

(5) Для большаго уясненія только что сказаннаго мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь замѣчаніе, которое дѣлаетъ Марксъ, говоря о раздѣленіи труда и мануфактуры: „Простой производительный организмъ этой общины, удовлетворяющей всѣмъ своимъ потребностямъ, воспроизводящаяся постоянно въ той же самой формѣ и появляющаяся снова послѣ каждаго случайнаго разрушенія на томъ же самомъ мѣстѣ и подъ тѣмъ же самымъ именемъ,—даетъ намъ ключъ къ той таинственной загадкѣ, которая заключается въ неизмѣнности азіатскихъ обществъ, такъ странно противорѣчащей съ постоянными разрушеніями и созиданіями сызнова азіатскихъ государствъ, и съ безпрерывными перемѣнами династій. Дѣло въ томъ, что структура основныхъ экономическихъ элементовъ общества остается нетронутой бурями, происходящими въ его политической атмосферѣ“ (Капиталъ, I, 313. Das Kapital, I, 360). А Энгельсъ въ своемъ извѣстномъ отвѣтѣ Ткачеву говоритъ слѣдующее: „Русскій крестьянинъ существуетъ только въ своей общинѣ, весь остальной міръ существуетъ для него лишь по столько, по скольку онъ вторгается въ его общину. Это до такой степени вѣрно, что по русски одно и то же слово *міръ* означаетъ „*свѣтъ*“ и „крестьянскую общину“. Весь *міръ*, весь *свѣтъ* означаетъ для крестьянина мірская сходка... Такое полное изолированіе другъ отъ друга отдѣльныхъ общинъ, составляющихъ въ цѣлой странѣ хотя и одинаковую, но за то прямую противоположность общихъ интересовъ, и является естественною основою восточнаго деспотизма, и отъ Индіи до Россіи эта общественная форма, гдѣ она преобладала, всегда его порождала, всегда находила въ немъ ея дополненіе.“

выраженіе сознательной классовой борьбы, какъ выраженіе дѣйствительно-обострившихся классовыхъ антагонизмовъ. Робкія и вскорѣ заглохшія бумажныя требованія русской буржуазіи кой-какихъ политическихъ вольностей, которыми (т. е. требованіями) сопровождалась одно время террористическая дѣятельность „Народной Воли", только и доказываютъ, что время для *завоеванія* политической свободы въ Россіи еще не пришло. Русскій соціализмъ и его борьба являлись, такимъ образомъ, скорѣе отраженіемъ воздѣйствія западно-европейскихъ идей на образованную часть русской буржуазіи, чѣмъ проявленіемъ созрѣвшаго классового антагонизма. А вѣдь только изъ такого рода антагонизма и можетъ возникнуть органически связанный съ жизнью факторъ, способный повліять на измѣненіе политическихъ порядковъ. Вотъ почему только съ развитіемъ капитализма въ Россіи, т. е. съ развитіемъ буржуазіи и пролетаріата—этихъ двухъ центровъ группировки разнообразныхъ оттѣнковъ имущихъ и неимущихъ классовъ—борьба русской „интеллигенціи" за политическую свободу потеряетъ характеръ изолированности. А объединенный крупнымъ производствомъ пролетаріатъ, воспріимчивый къ идеѣ классового самосознанія и самоорганизаціи, заставитъ русскихъ соціалистовъ вступить на путь международнаго научнаго соціализма. Тогда только русскій соціализмъ, переставши быть специфически русскимъ, и окажется способнымъ сослужить великую службу рабочему классу вообще и ближайшему завоеванію политической свободы въ особенности.

Интеллигенція русская, — какъ революціонная, такъ и легально - народничающая — непомнящая родства своего съ буржуазіей, относится обыкновенно съ презрительнымъ недовѣріемъ къ способности послѣдней проникнуться сознаніемъ необходимости для нея политической свободы. Отношеніе это столь же, конечно,

ошибочно и неосновательно, какъ неосновательно было бы разсчитывать на избытокъ революціоннаго пыла въ буржуазіи въ минуту переворота. На извѣстной ступени развитія русской буржуазіи, руководимой интересами своихъ капиталистическихъ операцій, не въ терпёжъ будетъ дольше уживаться съ деспотически-бюрократическимъ произволомъ. Она неизбѣжно будетъ заинтересована въ томъ, чтобы этотъ произволъ былъ урѣзанъ. Но за то, съ другой стороны, сознаніе опасности, которая ей грозитъ отъ ея неизбѣжнаго двойника — пролетаріата, будетъ въ русской буржуазіи гораздо сильнѣе, чѣмъ у ея западныхъ предшественницъ. Сознаніе-то это заставитъ русскую буржуазію при урѣзываніи ею деспотизма удовлетвориться болѣе скромными размѣрами, чѣмъ какихъ ей собственно нужно было бы и какихъ бы она въ силахъ была добиться при помощи пролетаріата. Но изъ двухъ золъ буржуазія изберетъ, конечно, меньшее. Она предпочтетъ компромиссъ съ побѣжденными ею элементами реакціи. Перспектива эта, не подлежащая почти сомнѣнію, налагаетъ поэтому на соціалистовъ въ Россіи двойную обязанность концентраціи своихъ силъ на пробужденіи классового самосознанія въ наличной совокупности русскаго промышленнаго пролетаріата. Изъ этого, однако, нисколько не вытекаетъ, что слѣдуетъ относиться равнодушно къ его ближайшимъ союзникамъ изъ аграрнаго пролетаріата, мелкаго крестьянства (болѣе или менѣе крупное слѣдуетъ прямо отнести къ буржуазіи) и класса ремесленниковъ, которыхъ неумолимый ходъ вещей гонитъ въ ряды заправскаго пролетаріата. Но тотъ фактъ, что при нынѣшнемъ деспотизмѣ въ Россіи трудность пропаганды среди этихъ элементовъ, а тѣмъ болѣе ихъ планомѣрная организація граничитъ почти съ невозможностью, обрекаетъ покамѣстъ русскихъ соціалистовъ на исключительное вниманіе къ промышленному пролетаріату. Надо полагать, что работы среди

послѣдняго уже теперь хватитъ на число соціалистовъ по меньшей мѣрѣ во сто разъ большее наличнаго.

Можетъ казаться, что мы уклонились отъ нашей задачи объективной характеристики того, чѣмъ былъ и отчасти еще есть „русскій“ соціализмъ. Но, по нашему мнѣнію, опредѣленіемъ того, чѣмъ онъ не былъ и чѣмъ онъ долженъ быть мы только рельефнѣе выяснили ложность и безвыходность его направленія. Изъ этой послѣдней части нашей характеристики ясно вытекаетъ, что русскій соціализмъ либо перестанетъ быть специфически русскимъ и сдѣлается интернаціональнымъ, либо онъ вовсе не будетъ.

Перейдемъ ко второму ингредіенту украинскаго соціализма — къ его украинству.

III. Что такое украинофильство? Его безпочвенность.

Насколько намъ лично извѣстно — а мы имѣемъ кой-какія основанія претендовать на близкое знакомство съ исторіей и размѣрами украинскаго соціализма — послѣдній ведетъ свое лѣтосчисленіе отъ сравнительно недавняго времени. Приблизительно съ 1883—84 года. До того времени онъ исключительно существовалъ на страницахъ изданій женевской „Громады“ второй половины 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. По крайней мѣрѣ ни одинъ политическій процессъ въ Россіи не даетъ намъ даже и намека на существованіе какого нибудь иного соціализма и революціоннаго движенія, кромѣ общерусскаго. Что же касается той публики, съ согласія и на средства которой печатались изданія „Громады“, то мы на основаніи данныхъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію, можемъ констатировать, что публика эта относилась въ сущности враждебно къ

идеямъ „Громады“. Изданія послѣдней экспедировались куда угодно, только не въ мозги читателей. Такъ что до 1884-го года врядъ ли можно говорить о роли этихъ изданій въ качествѣ теоретическаго знамени какой бы то ни было живой организаціи на Украинѣ. Съ этого же времени безрезультатность русскаго соціализма и въ частности „народовольчества“ начинаетъ вызывать критическое отношеніе и среди извѣстной части украинской молодежи — преимущественно, какъ намъ извѣстно, въ Петербургѣ и Кіевѣ. Критика эта выражается въ отрицаніи террора, централистическаго „всероссійства“ русскаго соціализма, въ признаніи національно-федералистическаго принципа въ борьбѣ за политическое и экономическое освобожденіе народа. Словомъ, все больше происходитъ поворотъ къ основнымъ взглядамъ „Громады“. Поворотъ этотъ завершается почти полнымъ принятіемъ ея взглядовъ въ основу программы, которая на Украинѣ, по крайней мѣрѣ, все еще обречена прозябать безъ приложенія на *писчей* бумагѣ. При этомъ основы міросозерцанія русскаго соціализма: его отношеніе къ крестьянству, его непризнаніе капитализма въ Россіи, его слабости къ общинѣ — словомъ, все то, что съ незначительными отличіями составляло и credo „Громады“ — усваиваются украинскимъ соціализмомъ почти безъ измѣненія. Соціалистическая сущность русскаго направленія пріобрѣтаетъ на Украинѣ значительную закваску анархическаго автономизма „Громады“. Автономизмъ же послѣдней вытекалъ съ одной стороны изъ предположенія особыхъ національно-культурныхъ чертъ въ украинскомъ народѣ (главнымъ образомъ — языкъ), а съ другой — изъ наиболѣе опредѣленно и послѣдовательно проведеннаго у нея предпочтенія къ утопическимъ принципамъ анархической „доктрины“. Какъ бы украинскій соціализмъ ни отрицалъ своей общности съ украинофильствомъ, но самое желаніе его быть украинскимъ, не говоря

уже о фактической связи „Громады“ съ различными фазами украинофильскаго теченія въ Россіи, показываетъ, что онъ плоть отъ плоти послѣдняго. Поэтому критика несостоятельности украинскаго соціализма находится въ прямой связи съ критикой украинофильства вообще. Съ этой цѣлью мы вынуждены сдѣлать бѣглую, по крайней мѣрѣ, экскурсію въ область русской исторіи.

Въ Россіи собранъ матеріалъ для исторіи, но нѣтъ еще исторіи въ научномъ смыслѣ этого слова. Историческій матеріалъ, сведенный въ систему безъ знанія политической экономіи и безъ приложенія матеріалистическаго критерія классовой борьбы, который только и пригоденъ къ объясненію какъ историческихъ, такъ и современныхъ явленій, не заслуживаетъ названія исторической науки. Историковъ же русскихъ — по крайней мѣрѣ, значительное большинство — грѣшно заподозрѣвать въ пониманіи необходимости этихъ 2-хъ элементовъ для исторіи. Да и грѣшно было бы ихъ и укорять за это. Постановка исторіи на только что указанной нами научной основѣ — дѣло сравнительно новое. На почвѣ же неопредѣлившихся еще при этихъ историкахъ въ Россіи классовыхъ противорѣчій не могло еще быть мѣста для пониманія и усвоенія такихъ взглядовъ на исторію. Поэтому-то историковъ русскихъ можно скорѣе всего подвести подъ слѣдующія два существенныхъ направленія. Одни, какъ напр. Карамзинъ, черезчуръ руководились патріотизмомъ и царскимъ вкусомъ; другіе же, напротивъ, оказывали больше вниманія своему личному вкусу, и, далекіе отъ непохвальнаго преклоненія передъ авторитетами, они съ тѣмъ большимъ рвеніемъ преклонялись передъ построеніями своего собственнаго авторитета. Объ объективномъ же изложеніи фактовъ и ихъ научномъ объясненіи у этихъ историковъ не можетъ быть и рѣчи. То и другое замѣняется у нихъ большею частью риторикой и субъективизмомъ, искажающими нерѣдко историческую правду до неузнаваемости.

Факты исторической жизни народовъ служатъ для насъ не исходнымъ пунктомъ формулированія и обоснованія потребностей, вытекающихъ изъ соціальныхъ условій *современной* жизни. Хотя эти условія и являются продуктомъ исторической жизни, но они имѣютъ свою собственную физіономію, свою самостоятельную структуру, которая таитъ въ себѣ зародыши такихъ явленій, которыя еще меньше позволяютъ находить для себя содержанія и формулировки въ прошедшемъ. Исторія имѣетъ для насъ значеніе лишь постольку, поскольку она намъ *объясняетъ* генезисъ современныхъ намъ отношеній; поскольку она намъ помогаетъ *понять* основную тенденцію, основной нервъ развитія человѣческихъ обществъ. Поэтому извлеченіе архивныхъ фактовъ съ цѣлью обратить ихъ въ оружіе „историческаго права“ для борьбы за современные интересы напоминаетъ, по меньшей мѣрѣ, логическіе пріемы крыловскихъ гусей. Если же мы ниже и намѣрены сдѣлать бѣглую экскурсію нѣсколько въ глубь русской исторіи, то не для того, конечно, чтобы пожинать лавры потомковъ пернатыхъ спасителей Рима. Цѣль наша заключается въ томъ, чтобы показать, что историки, о которыхъ мы говоримъ, не понимаютъ основной тенденціи развитія человѣческихъ обществъ.

Украинскіе историки и статистики простираютъ обыкновенно малорусскій народъ отъ Тиссы до верховьевъ Дона и отъ Нѣмана до Чернаго моря. Насчитываютъ же они его, смотря по настроенію, отъ 15 до 25 милліоновъ. Одно несомнѣнно, что историческою колыбелью украинскаго народа слѣдуетъ считать кіево-галицкую Русь, съ которой мы и встрѣчаемся на порогѣ писанной русской исторіи. Политическій строй этой Руси соотвѣтствовалъ ея экономической структурѣ. Федеративныя поземельныя общины со значительными признаками первобытнаго коммунизма. Рядомъ съ послѣдними развилась уже, впрочемъ, и частная

собственность. Во главѣ общинъ стоятъ избираемые ими исполнители вѣчевыхъ постановленій; они же являются и посредниками между общиною и княземъ. Надъ общинами же стоятъ князья съ дружинами. Изъ воиновъ-общинниковъ они на почвѣ развивающейся частной собственности выдѣляются постепенно въ особое господствующее сословіе. Они вторгаются все больше въ права общинъ, ихъ бытъ, ихъ владѣнія; силятся извлекать изъ нихъ личныя выгоды и ставить ихъ въ подчиненное къ себѣ положеніе. Само собою разумѣется, что они становятся такимъ образомъ крупными поземельными собственниками. Торговый договоръ съ греками въ X ст. и „Русская Правда“ свидѣтельствуютъ о значительномъ развитіи торговли. Развитіе же послѣдней подразумѣваетъ появленіе такого рода экономическихъ отношеній, при которыхъ рядомъ съ производствомъ для собственнаго потребленія уже возникаетъ производство на другихъ, для рынка. Сообразно съ этимъ мы и встрѣчаемся въ XII вѣкѣ съ сравнительно сильнымъ развитіемъ городовъ съ Кіевомъ во главѣ, въ которыхъ сосредоточены княжье управленіе, церковная жизнь, торговый элементъ, а отчасти классъ ремесленниковъ. По естественному развитію этихъ основныхъ началъ въ древней жизни кіево-галицкой Руси, самостоятельному, такъ сказать, осложненію лежавшихъ въ ихъ основѣ экономическихъ антагонизмовъ—помѣшало татарское нашествіе. Оно привело кіево-галицкую Русь въ то расшатанное состояніе, въ которомъ она сдѣлалась легкой добычей сперва литовскаго государства, а потомъ, съ XVI-го столѣтія, государства польско-литовскаго. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ выводить, что тенденція, лежавшая въ сословныхъ антагонизмахъ югозападной Руси до монгольскаго нашествія, не привела бы ее безъ этого нашествія къ той экономической картинѣ, какую представляетъ намъ нынѣ южная Россія. Въ силу уже одной аналогіи, черпаемой нами изъ

жизни народовъ цѣлой Европы, мы вправѣ думать, что вся разница заключалась бы *можетъ быть* лишь въ иныхъ, чисто внѣшнихъ, національно-языковыхъ особенностяхъ этой картины. Мы говоримъ „можетъ быть", потому что склоняемся больше къ той мысли, что неизбѣжность позднѣйшаго поглощенія и „обрусѣнія" Украины была гарантирована всѣмъ экономическимъ ходомъ развитія московско-петербургской Россіи. Постигшая Украину судьба была неминуема и *помимо* монгольскаго нашествія; точно также какъ такое же поглощеніе Литвы съ Польшей этой же Россіею вытекало изъ тѣхъ же условій развитія послѣдней. Татарское нашествіе только задержало этотъ историческій процессъ.

Какъ бы тамъ ни было, нашествіе это подкосило самостоятельное развитіе югозападной Руси и разрушеніемъ *городовъ* нанесло ей смертельный ударъ. Только за стѣнами городскихъ окоповъ, за стѣнами Кремля, ἀκρόπολις'а возможна была *организація* народной жизни; возможно было ея сохраненіе, ея развитіе, ея процвѣтаніе, ея просвѣщеніе. Въ городѣ кристализуется народная жизнь—въ дурномъ, какъ и хорошемъ. Городъ — это сердце и мозгъ народной жизни, и вообще всякой гражданственности съ самаго возникновенія писанной исторіи человѣчества вплоть до нашего времени. Вся будущая цивилизація человѣчества выльется въ форму одного необъятнаго мірового города. Судьбы этой тенденціи не измѣнятъ вопли и презрѣніе къ городамъ нашихъ автономно-анархическихъ соціалистовъ. Не городамъ приноровляться стать къ селамъ, а напротивъ, селамъ идти за городами.

Лишенныя оплота городовъ, общины сельскія приходятъ въ то разстроенное и беззащитное положеніе, въ которомъ онѣ безсильны были противостоять послѣдствіямъ нашествія. Онѣ были обречены на подземную эксплуатацію и связанный съ нею застой въ раз-

витіи національнаго самосознанія. Втянутая въ предѣлы польско-литовскаго государства,—что, въ свою очередь, вытекало, съ одной стороны, изъ политическихъ интересовъ Рѣчи Посполитой, которую тѣснилъ германскій Drang nach Osten и терзали турецко-татарскія нашествія, а съ другой — изъ экономическихъ потребностей польской шляхты, нуждавшейся въ расширеніи своихъ поземельныхъ доходовъ, — югозападная Русь не могла, конечно, не подвергнуться вліяніямъ экономической, культурной и религіозной жизни своей метрополіи. Сообразно со своимъ географическимъ положеніемъ она въ своей западной и сѣверо-западной части больше подпадаетъ подъ вліянія полонизма, между тѣмъ какъ на сѣверо-востокѣ она при посредствѣ литовской Руси приходитъ въ политическое какъ и религіозное соприкосновеніе съ московскою Русью, которая со второй половины XV-го вѣка выступаетъ уже на путь сильнаго развитія. Быстрая полонизація остатковъ *дружинной* поземельной аристократіи, которая естественно льнула къ центрамъ польской государственности, такъ какъ она всего легче могла разсчитывать на ея содѣйствіе и поощреніе въ своихъ хищническихъ стремленіяхъ; заселеніе постепенно возстанавливающихся городовъ *пришлымъ* еврейскимъ населеніемъ, которое въ связи съ нѣмецкимъ элементомъ составляло, вообще говоря, непрочный контингентъ городского населенія, цѣлой Рѣчи Посполитой; возрастающее вторженіе въ экономическій бытъ крестьянскихъ общинъ; приведеніе ихъ во все большую зависимость отъ шляхты; эксплуатація народныхъ массъ евреями въ интересахъ государства, которое нуждалось въ деньгахъ для постоянныхъ войнъ, — вотъ тѣ главныя причины, которыя съ конца XVI-го столѣтія—аналогично съ такими же явленіями на Западѣ — вызываютъ рядъ козацко-крестьянскихъ войнъ. Естественныя поползновенія польскаго государства привести югозападную Русь *и* въ церковномъ

отношеніи къ одному съ собою знаменателю вносятъ въ эти войны сильную религіозную закваску. Благодаря агитаціи заинтересованнаго православнаго духовенства, на которомъ, кстати сказать, вліяніе польской образованности отразилось значительнымъ подъемомъ умственнаго развитія и знаній (6), а также въ виду рѣзкаго національнаго отличія массъ народа отъ иновѣрныхъ польскихъ пановъ и еврейскихъ выжимателей — религіозный элементъ въ крестьянско-казацкихъ войнахъ получаетъ нѣсколько болѣе яркое проявленіе, чѣмъ, напримѣръ, „борода и двупёрстый крестъ" въ движеніи Пугачева. Продолжая аналогію и не впускаясь въ неумѣстныя для насъ тутъ частности, которыя вытекаютъ изъ иныхъ условій мѣстныхъ и историческихъ, мы можемъ безъ натяжки уподобить роль украинскаго казачества въ крестьянскихъ войнахъ XVI-XVII стол. той роли, которую играло мелкое рыцарство въ войнахъ западно-европейскаго крестьянства, особенно въ крестьянской революціи XVI-го ст. въ Германіи. Экономическимъ ходомъ вещей и политическими событіями казачество малорусское было выбито изъ своего прежняго независимаго положенія *младшихъ дружинниковъ*. Оно почувствовало себя въ опасности окончательнаго поглощенія крупною польскою и полонизировавшеюся аристократіей, и опасалось своего обращенія въ ту

(6) Мы были крайне удивлены, когда, читая брошюру проф. Драгоманова „La littérature oukrainienne etc." (Genève, 1878), мы при характеристикѣ умственнаго подъема въ кіевской Руси XVI-го столѣтія не нашли и намека о несомнѣнномъ, если не преимущественномъ, вліяніи польской образованности и литературы, имѣвшей уже въ 16 ст. своего Кохановскаго. Намъ, по крайней мѣрѣ, это показалось столь же „позитивнымъ", какъ если бы историкъ XX-го ст., составляя исторію XIX, писалъ бы о вліяніи женевской „Громады" на умственное состояніе „Украины", не говоря ни слова о вѣковомъ вліяніи цѣлой плеяды „общерусскихъ" поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ.

полукрѣпостную зависимость, въ которой находилось крестьянство. Опасность эта и поставила его на челѣ крестьянскаго движенія во имя отстаиванія своихъ сословныхъ интересовъ, т. е. во имя равноправнаго съ аристократіей участія въ эксплуатаціи народа. Событія, послѣдовавшія за первыми успѣхами возстанія доказываютъ, что казачество и крестьянство (какъ рыцарство и крестьянство на Западѣ) были только *временными* союзниками, которыхъ, котя и соединялъ общій *врагъ*, но за то раздѣляла несомнѣнная противоположность интересовъ. Стараніями своихъ „лыцарскихъ“ союзниковъ крестьянство возвращается въ общемъ къ прежней зависимости. А съ другой стороны слоеніе посреди самого казачества приводитъ къ выдѣленію козацкой старшины — аристократіи, которая низводитъ своихъ болѣе мелкихъ и слабыхъ членовъ на степень плебеевъ.

Тотъ же процессъ, который происходилъ подъ Польшей, возобновляется послѣ короткой паузы въ томъ же направленіи подъ Москвою. Экономическій процессъ, тенденціей котораго было расширеніе крупной поземельной собственности насчетъ экономической и политической свободы крестьянства и казачества, шелъ въ направленіи, которое было противоположно цѣлямъ возстанія. Вотъ почему оно напередъ осуждено было на неудачу, и вотъ почему оно съ точки зрѣнія экономической эволюціи должно быть названо *реакціоннымъ*. Вся перемѣна декорацій свелась къ тому, что часть крупныхъ польскихъ пановъ замѣнилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра козацко-боярскою старшиною; польскій король уступилъ мѣсто „восточному“ царю; а вмѣсто общенія съ польскою образованностью Украина была окончательно осуждена не только на политико-экономическое, но также и культурное объединеніе съ московско-петербургской Россіей. Постановленіе переяславской рады отдаться подъ „высокую руку царя восточнаго“ было только предвосхищеніемъ *завоеванія*

Украины Москвою (7). Да таковымъ въ сущности и слѣдуетъ считать присоединеніе Украины по андрусовскому договору, явившемуся результатомъ польско-московской войны, въ которой политико-дипломатическая роль Украины сводилась почти къ нулю. Проявившійся въ самомъ началѣ антагонизмъ между крестьянствомъ и козацкою старшиною, какъ и распри въ средѣ послѣдней, обѣщали служить удобнѣйшей почвой для царскаго вмѣшательства въ жизнь гетманщины. Вмѣшательство это не могло, конечно, не завершиться полнѣйшей отмѣной гетманской конституціи. Отмѣна эта компенсировалась постепеннымъ закрѣпощеніемъ народа въ интересахъ козацкой же аристократіи, которая исподволь боярилась и дворянилась въ духѣ преданности императорской власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и въ духѣ „обрусѣнія". Польша была слишкомъ безсильна для того, чтобы безъ особыхъ потрясеній справиться съ козацко-крестьянскимъ возстаніемъ какъ справились, напримѣръ, Германія съ своею крестьянскою войною, Москва съ Разинымъ, Екатерина съ Пугачевымъ и т. д. Слабая концентрація королевской власти, лишенной поддержки такихъ городовъ, какіе имѣли въ своемъ распоряженіи западные короли; дезорганизующій государство автономизмъ шляхты — вотъ причины этого безсилія. Тѣмъ не менѣе у Польши были шансы на побѣду. Но вмѣшалась Москва и дѣло приняло иной оборотъ. Украина же не таила въ себѣ никакой возможности сохранить свою самобытность и предотвратить отъ себя ту участь, на которую ее осудило „возсоединеніе" съ государствомъ, вполнѣ уже сцентрализовавшимся. Ея положеніе среди Москвы,

---

(7) Алексѣй Михайловичъ имѣлъ поэтому, если и не совсѣмъ деликатное, то несомнѣнно *логическое* основаніе, когда отказывался лично цѣловать въ свою очередь крестъ на вѣрность.... козацкой аристократіи.

Польши и Турціи было положеніемъ „чайки, що вывела диткы пры бытій дорози“. Стремленія козацко-крестьскихъ войнъ были реакціонны и исполненны непримиримыхъ антагонизмовъ. А такихъ городовъ, которые подобно московско-русскимъ городамъ въ смутное начало XVII вѣка могли бы взять на себя иниціативу отстаиванія національно-экономическихъ интересовъ страны, Украина не имѣла.

Что до Сѣчи Запорожской, то она въ качествѣ украино-польскаго форпоста по своему происхожденію, экономическому и политическому складу, по своей исторической роли — совершенно совпадаетъ съ великорусско-козацкими форпостами на Дону, на азовскомъ побережьи, на Уралѣ и Сибири. Всѣ они были стихійно сложившимися узлами, по направленію которыхъ логически должно было идти расширеніе сперва московскаго царства, а потомъ и петербургской имперіи. Сѣчь запорожская возникла изъ потребностей эпохи, не имѣвшей ничего общаго съ Россіей Екатерины II. Поэтому ея существованіе съ присоединеніемъ Украины къ Россіи превратилось въ несомнѣнный анахронизмъ, который и долженъ былъ исчезнуть передъ лицомъ новой жизни. Тотъ фактъ, что въ Запорожьѣ, какъ утверждаетъ проф. Драгомановъ, попадались люди, знавшіе латинскій языкъ,нисколько не измѣняетъ факта ея анахроничности. Значеніе Бисмарка, занимающаго въ исторіи немножко больше мѣста, чѣмъ классикъ-гетманъ запорожскій, Гордіенко, нисколько не исключаетъ его анахроничности послѣ 20 Февраля 1890-го года.

Историки второй категоріи, о которой мы говорили выше, любятъ не меньше первой при изложеніи историческихъ явленій восклицать, скорбѣть, хулить и превозносить. Качества, на своемъ мѣстѣ весьма можетъ быть почтенныя, они страшно мѣшаютъ тамъ, гдѣ вся суть заключается въ томъ, чтобы вѣрно *понять* явленіе.

Въ упомянутой уже нами брошюрѣ проф. Драгома-

нова „La littérature Oukraïnienne—Rapport présenté au congrès littéraire de Paris, 1878“, мы на стр. 15-ой читаемъ слѣдующія достопримѣчательныя строки: „En résumant tous ces faits, on voit que l'histoire de l'Oukraïne se caractérise par les aspirations du peuple vers des institutions républicaines et démocratiques (это объ Украинѣ 17-18 столѣтія). Mais recevant coups sur coups il retombe toujours sous la domination des monarchies et des aristocraties étrangères. Si ce peuple n'a pas réussi à réaliser son idéal (курсивъ нашъ), cela tient à la situation géographique qui, d'une part se trouvait sur le passage des peuples nomades de l'Asie et d'autre part, devait en même temps exciter les convoitises des grands États de l'Europe orientale“. Ограничиваясь словами: „aristocraties étrangères“, почтенный профессоръ счелъ благоразумнымъ умолчать о возникновеніи своей собственной аристократіи въ гетманщинѣ, которая имѣла всѣ шансы развитія по „республиканско-демократическому“ образцу польской шляхты. Точно также не обмолвился онъ ни словомъ о сажаніи на колъ непокорныхъ „республиканцевъ“ изъ мужичковъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, на „второй день“ побѣды и заложенія чего-то вродѣ „демократической республики“ (8). Возможно, что примѣненная профессоромъ группировка фактовъ могла придать довольно сносную гармонію картинѣ, развернутой имъ передъ иностраннымъ конгрессомъ. Мы, тѣмъ не менѣе, позволимъ себѣ усумниться въ реализмѣ такого рода художества. Выше мы уже выяснили сущность козацко-крестьянскаго „идеала“. Въ противность профессору мы сказали бы

(8) Иностраннымъ слушателямъ Rapport'а вѣроятно и не снилось, что этотъ первый „свой“ президентъ „демократической республики“ оставилъ по своей смерти не больше и не меньше милліона рублей. По теперешней валютѣ это пожалуй выйдетъ столько-же, сколько оставилъ недавно умершій Грэви, т. е. около 12 мил. франковъ.

не „son idéal“, но ses idéals — *свои враждебные другъ другу идеалы.* Мы опредѣлили также и причины несбыточности этого „идеала“, вытекавшей изъ его реакціонности. Проф. Драгомановъ иного мнѣнія. Всю вину онъ взваливаетъ на чужихъ, на номадовъ, да на алчность государствъ восточной Европы. А почему же это, примѣрно, въ Германіи, гдѣ не было ни номадовъ, ни „иностранныхъ аристократій“, ни чужой алчности и гдѣ географическое положеніе было болѣе счастливое— крестьянско-рыцарское возстаніе окончилось его подавленіемъ? Вопросъ, — который ставилъ себѣ по всей вѣроятности не одинъ иностранный слушатель или читатель профессорскаго доклада.

Возвратимся къ нашей темѣ. Если нашествіе татаръ въ XIII ст. послужило причиною перенесенія центра тяжести русской государственной жизни съ юго-запада на сѣверо-востокъ, то присоединеніе къ Москвѣ лѣвобережной Украины съ Кіевомъ послужило основаніемъ безповоротнаго перенесенія политическаго центра тяжести восточной Европы въ Москву, а потомъ въ Петербургъ. Перенесеніе это сопровождалось, между прочимъ, занесеніемъ изъ Кіева въ Москву и кой какихъ зеренъ схоластической образованности, выросшей подъ польскимъ вліяніемъ. Зёрна эти, впрочемъ, обыкновенно черезчуръ раздуваются украинофильскими историками: Прокоповичи и Яворскіе были во всякомъ случаѣ далеки отъ слабостей „vers des institutions républicaines et démocratiques“. По отношенію же къ Украинѣ это было перенесеніемъ въ Москву и *культурнаго* центра тяжести.

Тутъ, конечно, не мѣсто входить въ подробности процесса, приведшаго сѣверо-восточную Русь къ гегемоніи въ восточной Европѣ. Мы вынуждены ограничиться добавленіемъ самыхъ общихъ указаній къ тому, что мы въ видѣ отдѣльныхъ намековъ имѣли случай сказать уже выше.

Географическое положеніе сѣверо-восточной Руси заключало въ себѣ всѣ задатки ранняго развитія городовъ съ промышленнымъ населеніемъ. Она лежала въ той части бассейна верхней Волги, которая не отличается особою хлѣбородностью почвы. Но за то скудость хлѣбородія вознаграждалась богатствомъ другихъ предметовъ добывающей и обрабатывающей промышленности. Свободный доступъ къ Бѣлому морю, водный путь, соединявшій сѣверо-восточную Русь съ новгородъ-псковскимъ райономъ и съ примыкающимъ къ азіатскому міру юговостокомъ Европы—были сильными двигателями ея промышленно-торговаго развитія. Тенденція такихъ условій развитія подготовила удобную почву для централизаціи государственной власти и успѣшнаго подавленія ею удѣльно-автономныхъ устоевъ, приходившихъ постепенно въ противорѣчіе съ измѣнявшимися условіями матеріальнаго развитія. Торговлѣ и промышленности враждебны автономныя заставы да рогатки. Въ виду этихъ причинъ сверженіе монгольскаго ига и присоединеніе Новгородъ-Пскова со Смоленскомъ было только вопросомъ времени, который и нашелъ свое разрѣшеніе въ политико-экономическихъ условіяхъ развитія московской Руси. Развитіе это нашло свое довольно законченное выраженіе въ эпоху обоихъ Ивановъ: III и IV. Заключеніе торговаго договора съ Англіей уже въ 1553 году; введеніе стрѣлецкаго войска при Иванѣ IV, значительное развитіе мануфактуры, желѣзнаго и мѣднаго производства при первомъ Романовѣ — вотъ отчасти тѣ выдающіяся вѣхи, которыми опредѣляется путь развитія московской Руси. Только этими особенностями развитія мы можемъ себѣ объяснить ту силу, о которую разбились крупныя опасности, грозившія московской Руси въ смутное начало XVII столѣтія.

Изъ политико-экономическихъ интересовъ московской Руси стихійно вытекали для нея слѣдующія двѣ

потребности. Во 1-хъ, приближеніе къ морскимъ берегамъ для обезпеченія своихъ торгово-промышленныхъ интересовъ, и во 2-хъ, возможность располагать *заселенными* хлѣбородными областями для снабженія себя хлѣбомъ и сбыта своихъ промышленныхъ продуктовъ. Царствованіе Петра Великаго является полнымъ выраженіемъ реализаціи этихъ потребностей московско-петербургской Россіи. Движеніе къ Балтійскому морю привело къ войнамъ со Швеціей, Ливоніей, а отчасти и Польшей; движеніе къ азовско-черному морю — къ войнамъ съ татаро-турками, съ Польшей и къ присоединенію хлѣбородной Украины. Сравнительно быстрое шествіе Россіи съ начала XVIII-го столѣтія въ сторону культурно-политическихъ успѣховъ является выраженіемъ роста ея государственной силы и экономическихъ потребностей. Подъ вліяніемъ возникшей образованности офиціальный языкъ, первоначально не особенно отдалявшійся отъ церковно-канцелярскаго стиля югозападной и Бѣлой Руси, начинаетъ приближаться къ формамъ живого языка, народнаго. То же самое происходитъ и въ литературѣ. Литературная дѣятельность цѣлой плеяды писателей, какъ Кантемиръ, Ломоносовъ, Тредьяковскій (9), Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Державинъ, Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Рылѣевъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Грановскій, Костомаровъ (минусъ Еремія Галка) etc., etc., etc., которыхъ можно насчитать цѣлыя страницы—навсегда рѣшила несостоятельность областныхъ языковъ на Украинѣ и Бѣлой Руси выдержать

---

(9) Не смѣйтесь! Тредьяковскій—это важный фазисъ въ выработкѣ литературнаго русскаго языка. Украинофильство до сихъ поръ изобилуетъ Тредьяковскими, но не могло еще выработать *одного* Тредьяковскаго. Поэтому-то каждый украинскій писатель все еще продолжаетъ тредьячить на свой манеръ. Да иначе-то оно и быть не можетъ.

соперничество съ богатою общегосударственною литературою, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Искусственныя мѣры центральной власти, направленныя къ подавленію этого соперничества со стороны „окраинъ“ играютъ здѣсь, по нашему мнѣнію, роль вполнѣ второстепенную (10).

---

(10) Мѣры эти, какъ онѣ подчасъ ни гнусны и неуклюжи, являются только отраженіемъ реальной тенденціи совокупнаго хода вещей. Поэтому-то мы и считаемъ ихъ факторомъ второстепеннымъ, а не главнымъ, рѣшающимъ. Что это такъ, показываетъ исторія литературнаго развитія нѣмецкой Швейцаріи, которая уже вотъ 600 лѣтъ пользуется своей политической независимостью. Мы видимъ, что въ школѣ, наукѣ, литературѣ и общественной жизни она не могла не усвоить себѣ общенѣмецкаго литературнаго языка, который господствуетъ отъ Вѣны до Бельгіи и отъ Берна до Риги. Да иначе оно и быть не могло. Весь ходъ германской исторіи, начиная отъ офиціальнаго искусственнаго языка императора Максимиліана I и лютерова перевода библіи, и кончая блестящей плеядой писателей и ученыхъ XVIII и XIX столѣтій, обезпечилъ за теперешнимъ нѣмецкимъ языкомъ его безраздѣльное господство среди германскихъ областныхъ нарѣчій, исключая географически и политически отдаленныхъ вѣтвей скандинавской и голландской. Между тѣмъ, не говоря уже о нѣмецкихъ діалектахъ, встрѣчающихся въ самой Германіи и Австріи, діалектъ или вѣрнѣе сказать діалекты нѣмецко-швейцарскихъ кантоновъ до того прочно удерживаются въ обиходной рѣчи всѣхъ слоевъ народа, что по словамъ проф. Sutermeister'a (Schwizer-Dütsct Sammlung. Zürich.) на поставленный въ чистомъ Hochdeutsch вопросъ можно отъ иного простолюдина-швейцарца услышать: i cha nüt französisch. На основаніи личнаго опыта и данныхъ упомянутой Sammlung мы утверждаемъ, что аллеманскіе діалекты Швейцаріи неизмѣримо дальше отстоятъ отъ верхнегерманской рѣчи, чѣмъ украинскій языкъ отъ общерусскаго даже до наденія крѣпостного права. Въ то время, какъ у насъ ухитряются найти десятокъ-другой украинскихъ выраженій, приводящихъ въ недоумѣніе людей, говорящихъ только литературною рѣчью; или наоборотъ, столько же обиходныхъ русскихъ выраженій, непонятныхъ для малыхъ дѣтей какой нибудь глухой украинской деревни, — мы могли бы тутъ привести цѣлыя сотни словъ и оборотовъ, которые въ разныхъ кантонахъ различны и благодаря которымъ даже ближайшіе сосѣди-нѣмци еле-еле, а часто и вовсе не понимаютъ швейцарцевъ, говорящихъ своими діалектами. Изъ много численныхъ образчиковъ, приведенныхъ проф. Зутэрмейстеромъ, мы позволимъ себѣ отмѣтить одинъ, по крайней мѣрѣ. Вообще

Содержаніе всякой литературы опредѣляется, вообще говоря, крупными общественными явленіями и интересами. Центръ же тяжести этихъ явленій и интересовъ въ восточной Европѣ перешелъ съ XVIII-го столѣтія въ московско-петербургскую Россію. Вотъ почему Украина, которая вошла въ составъ Россіи съ физіономіей къ тому еще далеко не опредѣлившеюся и, такъ сказать, заплывшею, могла только служить *ингредирующимъ матеріаломъ* для обогащенія общерусской литературы. Съ одинаковымъ правомъ и въ силу одинаковой *необходимости* со всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи (кромѣ, впрочемъ, поляковъ, финляндцевъ и др., о которыхъ можно покамѣстъ сказать, что — не избѣжать имъ процесса денаціонализаціи и въ области языка — по крайней мѣрѣ, гораздо раньше, чѣмъ языки примыкающихъ къ нимъ крупныхъ государственныхъ населеній.) Украина можетъ и должна считать эту литературу

по швейцарски говорятъ: Het ech öppen Öpper öppen Öppis to? Въ Гларусѣ: Het i nämma Nämmer nämma Nämmes tue? Въ Верденбергѣ: Het i neisa Neiser neisä Neises tuä? Въ Сарганѣ: Hät ni etschän Etschwär etschän Etschwas tuä? И т. д. Прибавьте къ этому своеобразное произношеніе швейцарцевъ съ густыми придыханіями и рѣзко-гортанными звуками, напоминающими нѣсколько грузинъ или татаръ и вамъ и въ голову не придетъ, что тутъ есть что нибудь германское. Но нѣмецки всѣ эти варіаціи гласятъ: Hat euch etwa Jemand etwa etwas gethan? (Schwizer-Düütsch-Sammlung. Heft 22, Seite 46. Нѣмецкій переводъ приведенныхъ вопросовъ принадлежитъ намъ.) Между тѣмъ усвоеніе нѣмецкаго литературнаго языка происходитъ безъ труда уже въ низшихъ школахъ, гдѣ учебники употребляются исключительно нѣмецкіе, по посредствомъ учителей, владѣющихъ, конечно, живымъ обиходнымъ діалектомъ. Утопическое же желаніе развить свою собственную литературу и отрѣзать швейцарскую массу отъ *непосредственнаго* распоряженія богатою сокровищницей общегерманской литературы — никому и въ голову не приходитъ. На мѣстномъ же діалектѣ книги почти не печатаются и служатъ онѣ либо научнымъ матеріаломъ для лингвистики и исторіи, либо предметомъ развлеченія большихъ и малыхъ дѣтей, нѣмецкіе буквари которыхъ перемѣшаны отрывками на мѣстномъ діалектѣ.

своею собственностью. И если небольшая группа людей, изъ кожи вонъ силящихся навязывать жизни печать своей оригинальности, оспариваетъ эту необходимость, то Украина въ цѣломъ все таки не перестаетъ считать общерусскую литературу и своею собственностью.

На этомъ мы и можемъ закончить предпринятую нами экскурсію въ область русской исторіи или, вѣрнѣе сказать, въ исторію восточной Европы вообще. Полагаемъ, что im Grossen und Ganzen мы дали читателю вѣрную схему реальнаго направленія вещей въ историческомъ развитіи Россіи и въ частности Украины. Послѣ выясненія основныхъ тенденцій и хода этого развитія оцѣнка украинофильства является дѣломъ чрезвычайно легкимъ. Мы и переходимъ теперь къ этой оцѣнкѣ.

Подъ вліяніемъ гуманитарныхъ идей Запада, проникавшихъ на Украину черезъ русскую литературу и польскую образованность, на Украинѣ съ начала этого столѣтія возникаетъ такъ называемое украинофильское направленіе. Не малую роль играли въ его возникновеніи и развитіи поляки, которые, въ политическихъ видахъ, стали проявлять довольно живой интересъ къ исторіи, этнографіи и народной музыкѣ Украины. Отраженіемъ этого интереса служитъ, между прочимъ, особое направленіе въ польской поэзіи, извѣстное подъ именемъ „Украинской школы". Свое наиболѣе опредѣленное выраженіе украинофильство нашло въ кирилло-меѳодіевскомъ Братствѣ, затѣянномъ Костомаровымъ и Шевченкомъ въ 1847 году. Литературныя произведенія Котляревскаго, на которыя вся читающая Россія смотрѣла не больше какъ на курьезъ, являются какъ бы зарею украинофильства. Но, прошедши кабинетно-архивную фазу своего развитія, состоявшую въ интересѣ къ языку южнорусскихъ памятниковъ письменности, къ исторіи и этнографіи Украины, украинофильство подъ вліяніемъ отголосковъ 14 Декабря, съ одной стороны,

и лѣваго крыла сѣвернаго славянофильства, съ другой —выливается въ міросозерцаніе, положенное въ основу программы кирилло-меѳодіевскаго Братства. Рядомъ съ цѣлями, отражавшими реальныя потребности эпохи, какъ напр. идея освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мысль объ ихъ просвѣщеніи и т. д., въ этой программѣ говорилось также о федерализаціи всѣхъ славянскихъ племенъ въ одинъ братскій союзъ, о національной автономіи и т. п. Все это было варіяціею на мотивъ о тѣхъ прекрасныхъ вещахъ, субъективность и утопичность которыхъ нашли свое наиболѣе полное выраженіе въ писаніяхъ Бакунина и Герцена, лавры которыхъ повидимому до сихъ поръ не даютъ спать нашимъ федералистамъ. Такая постановка вопроса привела къ признанію необходимости „самостоятельнаго“ развитія національной, культурной, литературной и, въ головахъ людей наиболѣе проницательныхъ, даже государственной жизни украинскаго народа. Но самобытность Украины вовсе уже не была тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, который можно было бы легко уложить въ изящныя построенія человѣколюбивой фантазіи. Приходилось еще спорить да доказывать, что Украина есть. Если бы Костомаровъ не написалъ однажды Герцену, философствовавшему съ какимъ-то польскимъ корреспондентомъ „Колокола“ о разныхъ національныхъ сущностяхъ да границахъ, что „Украина принадлежитъ намъ“, то ни Герценъ, ни его корреспондентъ, ни кто бы то ни было иной объ этомъ бы, пожалуй, не догадались. Вотъ почему не жизнь, а научно-историческій матеріалъ, въ значительной степени ad hoc пригнанный, явился главной опорой политико-національной программы украинофильства. Поэзія Шевченка, отражавшая въ себѣ идеи кирилло-меѳодіевскаго Братства, была провозглашена національно-политическимъ откровеніемъ Украины и книгой ея историческаго бытія. Въ дѣйствительности же бытіе это было совер-

шенно иного содержанія и принадлежало оно мертвымъ, а живые, выросшіе на могилахъ мертвецовъ, дѣлали свою совершенно иную исторію съ иными тенденціями, инымъ содержаніемъ. Но въ силу того историческаго закона, по которому извѣстныя идеи и чувства *переживаютъ* отражаемое ими содержаніе иного хода вещей, различные элементы украинофильскаго міросозерцанія— отъ міра архива и міра сего—были искусственно связаны въ одно цѣлое такого именно рода отжившими идеями и чувствами. Деспотическій гнетъ, въ тюремной атмосферѣ котораго развивались прогрессивныя мысли въ Россіи, не могъ не дать патологическаго направленія и тому, что̀ было въ тѣхъ идеяхъ и чувствахъ реальнаго и здороваго. Нереальнымъ и нездоровымъ, скажемъ больше, *реакціоннымъ*, мы считаемъ ту тенденцію въ украинофильствѣ, которая клонилась къ противодѣйствію естественному процессу, привешему Гоголя на одно изъ почотнѣйшихъ мѣстъ въ русской и, пожалуй, міровой литературѣ. Реальнымъ и здоровымъ мы считаемъ въ немъ, напротивъ, пробужденіе желанія служить народу. Но соціальному служенію народу противорѣчило созиданіе собственной литературы въ то время, когда всѣ его интересы давно слились съ интересами остальныхъ областей государства. Въ его прямомъ интересѣ только и лежало возможно скорѣе приблизиться къ этому языку, который фактически *не* могъ для него быть болѣе чужимъ, чѣмъ языкъ не только „козацкихъ хроникъ“ да „пересопницкаго“ евангелія, но и всей современной украинской литературы. Самое большее, въ чемъ *могло* нуждаться украинское крестьянство въ интересахъ болѣе успѣшнаго усвоенія необходимаго для него общелитературнаго языка, это— учителя въ нисшихъ школахъ, знакомые (какъ въ Швейцаріи) съ отличіями мѣстнаго обиходнаго говора. Теперь, пожалуй, и это излишне. Но украинофильскія чаянія получили, какъ извѣстно, совершенно иное, уто-

ническое, конечно, направленіе. Оно создало — чего только въ видѣ курьеза и исключенія создать невозможно?—и кой-какую литературу. Но что значитъ эта литература — и по содержанію и по формѣ — въ сравненіи съ тѣмъ, что даетъ Украинѣ совокупная дѣятельность всей литературной Россіи, включая сюда, конечно, и всѣ почти творческіе элементы самой Украины? Что значитъ Марко-Вовчокъ въ сравненіи съ авторомъ „Записокъ охотника“? Что единственный Шевченко даже — съ Пушкинымъ или Некрасовымъ? Что такое „Основа“ въ сравненіи съ „Современникомъ“? И т. д., и т. д., и т. д. Ничто или очень мало. Не „Сіонъ“, не Катковъ, не Юзефовичъ, даже и не деспотизмъ тутъ виноваты, какъ думаютъ подчасъ проницательные украинофильскіе поносители. Сама жизнь „виновата“. О литературныхъ произведеніяхъ на украинскомъ языкѣ послѣ Шевченка за очень и очень рѣдкими исключеніями и говорить нечего. Макулатуры обиліе. Скудныя по содержанію и блѣдныя по идеямъ, произведенія эти и по языку, именно благодаря „чистотѣ“ языка, еще болѣе чужды дѣйствительной жизни. Паденіе крѣпостного права, общая воинская повинность, развитіе торгово-промышленнаго движенія, разростаніе кочующаго аграрнаго пролетаріата, вліяніе администраціи, желѣзныя дороги, школы по скольку онѣ существуютъ, вліяніе церкви и религіозныхъ сектъ, вліяніе городской жизни и культуры — вотъ тѣ факторы, которые и въ области языка — мы подчеркиваемъ это и ссылаемся на *современную* устную народную словесность, на распѣваемыя теперь народомъ пѣсни — не говоря уже о другихъ сферахъ народной жизни, окончательно слили сельскую Украину со сферою общихъ вліяній, подъ которыми живетъ Россія. Господство русскаго языка во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и примыкающихъ къ нимъ селамъ южной Россіи—безспорно. О какомъ либо украинствѣ губернскихъ и уѣздныхъ

городовъ и говорить смѣшно. Въ селахъ же процессъ этотъ въ языкѣ нѣсколько видоизмѣненнѣе. Но онъ безконечно далекъ теперь отъ „чистоты“ того украинскаго языка, на которомъ научившіеся по книжкамъ украинолюбцы продолжаютъ писать свои вклады въ міровую литературу (11). Въ полугородскомъ, солдатско-административномъ говорѣ сельского народа (за исключеніемъ, пожалуй, стариковъ и женщинъ) все больше беретъ верхъ языкъ русскій, а не языкъ „метѐлыкивъ“ („мотыльковъ“), Старицкаго, Кулишовскаго евангелія и даже Шевченка. Мы утверждаемъ это на основаніи личнаго опыта, который при нашей прежней „украинской“ точкѣ зрѣнія ускользалъ отъ нашего уразумѣнія и признанія.

Патентованные украиновѣды утверждаютъ, конечно, совсѣмъ другое. На стр. 7-ой упомянутой нами брошюры проф. Драгомановъ увѣряетъ, напримѣръ, иностранцевъ, что „les Petits-Russiens ne comprennent pas la langue officielle de l'Empire“, т. е. что малороссы не понимаютъ русскаго языка. Открытіе это сопровождается прочувствованнымъ выводомъ, что „L'oukase (о запрещеніи печатать украинскія книги, кромѣ оригинальной беллетристики и историческихъ документовъ) a donc frappé de mort la civilisation (т. е. украинофильскія чаянія) de tout un peuple de 14,500,000 Oukrainiens“. Стало быть не принципіальное стремленіе русскаго правительства держать *все* вообще населеніе Россіи во мракѣ невѣжества — печально, а вся бѣда въ указѣ, который „смертельно поразилъ“ украинскую „цивилизацію“. Впрочемъ, для насъ тутъ, главнымъ образомъ, интересно вышеприведенное открытіе про-

(11) До народа эти вклады не доходятъ; а если бы и доходили, то остались бы непонятны изъ за языка. Та же публика, которая ихъ покупаетъ изъ „патріотизма“ или „принципа“ съ большей легкостью понимаетъ несомнѣнно родной для нея языкъ русскій, чѣмъ „рідный украинскій“.

фессора, что малороссы — какіе-то иностранцы въ Россіи. Подумаешь, чѣмъ только нельзя подчивать европейцевъ, пресерьезно вѣрящихъ тому, что русскіе люди глотаютъ сальныя свѣчи! Мы не думаемъ, однако, заподозривать уважаемаго профессора въ завѣдомой неправдѣ. Мы убѣждены, что подъ вліяніемъ присущаго ему міровоззрѣнія вещи представлялись ему, какъ и намъ прежде, не такъ, какъ онѣ въ дѣйствительности. Желаніе привести тутъ типичные примѣры изъ всей нашей жизни на Украинѣ и близкаго общенія съ народомъ, которые опровергли бы вышеприведенное увѣреніе профессора завело бы насъ слишкомъ далеко. Мы убѣждены, что никто, знающій *нынѣшнюю* живую Украину—и не поверхностно только, но и основательно — не согласится съ подобнымъ увѣреніемъ. Мы убѣждены, что подъ нимъ не подписался бы теперь, въ 1891 году, и самъ проф. Драгомановъ, лѣтъ 15 невидавшій уже, къ сожалѣнію, Украины. Мы искренно жалѣли бы, если бы онъ, соглашаясь на просьбу койкого (12), издалъ бы безъ радикальнаго пересмотра свою французскую брошюру, о которой мы говоримъ, вторымъ изданіемъ или первымъ — въ украинскомъ переводѣ. Уже въ 1878 году не такъ было, какъ казалось профессору. А теперь и подавно не такъ.

Да чего лучше? На стр. 178-ой „Громады“ за 1876—77 годъ самъ г. Драгомановъ констатируетъ „случаи“, относящіеся къ началу 60-хъ годовъ, гдѣ крестьяне говорили, что „имъ нужно знать казенный панскій языкъ“ (т. е. русскій языкъ). Спрашивается: у какихъ это крестьянъ бываетъ охота знать иностранный языкъ? Проф. Драгомановъ разсказываетъ тамъ же объ одномъ лично знакомомъ ему старшинѣ, которому-де „враги украинства“ внушили мысль, что „писать по

(12) См. „Народъ. Органъ русско-украинскоі радікальноі партіи“, во Львовѣ. №№ 15—16, стр. 231.

мужицки выдумали лихіе люди нарочно, чтобъ мужики не добрались до панской науки". Не будемъ теперь касаться вопроса о томъ, кто, объективно говоря, правъ: „враги украинства" или „лихіе люди", но то мы можемъ съ положительностью сказать, что въ настоящее время не только старшины, но и всякій обыкновенный смертный изъ украинскихъ крестьянъ предпочтетъ „лихимъ людямъ" именно „враговъ украинства". Мы убѣждены, что теперь, когда знаніе русскаго языка и сознаніе необходимости знать его проникли всю Украину; когда болѣе или менѣе „чистый" украинскій языкъ начинаетъ производить на самыя массы впечатлѣніе какого-то курьеза и давно пережитаго дѣтскаго лепета, — крестьяне навѣрно были бы сами противъ украинскаго языка въ школахъ. „Чистый" украинскій языкъ будетъ для нихъ ничѣмъ не лучше полуиностраннаго. Только глупость правительства, боящагося вообще всякаго просвѣщенія народа, поддерживаетъ въ гг. украинолюбцахъ привязанность къ созданнымъ ими иллюзіямъ. До чего доходитъ иногда эта привязанность— приведемъ два образчика. На стр. 144 упомянутаго № „Громады" приведенъ примѣръ о томъ, что школьный мальчикъ понялъ слова „лиса имѣла досаду" такъ, что „лиса пишла̀ (пошла) до саду", изъ чего „Громада" какъ будто выводитъ, что „досада" не украинское слово. Изъ того, что одинъ какой-то мальчикъ не понялъ извѣстной мысли, дѣлать какіе бы то ни было общіе выводы—нѣсколько рисковано. Попадаются на свѣтѣ и весьма крупные младенцы, которые не понимаютъ маленькихъ вещей. Но о неукраинской „досадѣ" поетъ одна украинская пѣсня такъ:

Ой якъ бы ты маты знала,
Що то за досада.
Тобъ-ты мене оженыла,
Щобъ була ограда! И т. д.

На страницѣ 153-й (тамъ же) утверждается, что слово „мука“ для украинцевъ — китайское слово. Украинецъ-де понимаетъ только „борошно“. На основаніи нашего знакомства съ Украиной мы прежде всего замѣтимъ, что пройдетъ десяток-другой лѣтъ и слово „борошно“, фигурирующее, кстати сказать, въ *русско*-нѣмецкомъ словарѣ Павловскаго рядомъ съ массою другихъ словъ, употребляемыхъ на Украинѣ, станетъ полу и рѣдко гдѣ извѣстнымъ обозначеніемъ вмѣсто обычнаго слова „мука“. Желеховскій внесъ слово „мука“ = Mehl въ свой украино-нѣмецкій словарь, а извѣстная украинская пѣсня начинается такъ:

Пишла маты на село
Мукы-гречкы покупаты, — и т. д.

Ростущая не по днямъ, а по часамъ „нечистота“ живой народной рѣчи, какъ и такая же „нечистота“ — подъ вліяніемъ полонизма, германизма, мадьяризма, румынизма и *русской* литературы — народовско-украинофильскихъ изданій въ Галичинѣ портитъ очень много крови нашимъ украинолюбцамъ (13). Тѣмъ не менѣе сами-то они очень рѣдко владѣютъ „чистымъ“ украин-

(13) Не считая себя достаточно компетентнымъ во всемъ, что касается Галичины, мы не желаемъ, однако, утаивать отъ нашихъ галицкихъ товарищей-радикаловъ тѣ выводы, къ которымъ насъ приводитъ наше представленіе о Галичинѣ. Пользуемся случаемъ, чтобы высказать вкратцѣ то, что осталось недосказаннымъ въ нашей статьѣ о программѣ радикальной партіи въ 7-мъ № „Народа“ за текущій годъ. — Мы полагаемъ, что украинофильство, занесенное въ Галичину, явилось *тормазомъ* для ея развитія послѣ того, какъ оно изъ здороваго соціальнаго фактора чисто *психологическаго* свойства было возведено въ политико-литературный принципъ. И въ матеріальномъ и въ культурномъ отношеніи галичане выиграли бы куда больше, если бы пошли по стопамъ швейцарцевъ и усвоили бы себѣ русскій языкъ, его бы провели въ школу, администрацію, общественную жизнь. „Нечистота“ ихъ литературной рѣчи, скудное развитіе ихъ литературы, лингвистическія отличія въ языкѣ москвофиловъ, Буковины и Угорской Руси, ихъ особый оффиціально-административный языкъ, напоминающій стиль дьячковъ и возьныхъ въ произведеніяхъ Котляревскаго — все это говоритъ за почвенность и необходимость русскаго языка даже для Галичины. Современная

скимъ языкомъ, а владѣющихъ и пишущихъ на этомъ языкѣ вообще — можно по пальцамъ перечесть. Кромѣ

литература руссинская — Иванъ Франко, одинокое свѣтлое явленіе, подтверждаетъ скорѣе нашу общую мысль — не можетъ имѣть будущности. Даже въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ она не окупается. Можетъ быть гдѣ нибудь клиномъ среди германцевъ или романцевъ, *объединенная* и выработанная, а не варабатывающаяся только, руссинская литература могла бы еще имѣть кой-какіе шансы на дѣйствительное вліяніе и извѣстную долговѣчность. Теперь же она безсильна конкуррировать съ полонизмомъ, который къ тому еще господствуетъ въ *городахъ*, и развѣ одинъ русскій языкъ могъ бы еще явиться объединяющимъ всѣхъ австрійскихъ руссиновъ оружіемъ въ ихъ борьбѣ за болѣе успѣшное культурное развитіе. (Да не подумаетъ читатель, что мы такъ распинаемся за русскій языкъ потому именно, что онъ русскій. Если бы все дѣло зависѣло отъ нашихъ идеологическихъ рецептовъ и личныхъ вкусовъ, то мы охотно замѣнили бы вавилонское языкосмѣшеніе господствомъ несомнѣнно музыкальнаго языка крѣпостной Украины. Но лишенные сей пріятной власти, мы ограничиваемся выводами изъ живыхъ, реальныхъ фактовъ и тенденціи ихъ развитія.) Австрійско-польское правительство потому лишь и проявляетъ отъ времени до времени готовность поддерживать украинофильство, что оно убиваетъ такимъ образомъ двухъ зайцевъ сразу. Во 1-хъ, тѣмъ, что не проникаетъ русскій языкъ, который изъ австрійскихъ руссиновъ могъ бы еще, пожалуй, сдѣлать политическую силу; и во 2-хъ, тѣмъ, что украинорусинскій языкъ, раздѣляя австрійскихъ руссиновъ, безсиленъ конкуррировать не только съ польскимъ, венгерскимъ, румынскимъ и нѣмецкимъ языками, но даже со своими домашними „язычіями". А что оно не ошибается въ своихъ разсчетахъ показалъ до нѣкоторой степени примѣръ изолированной украинофильско-народовой партіи въ Галичинѣ, которая записалась недавно на службу къ австрійскимъ феодаламъ и іезуитамъ. Мы поэтому привѣтствуемъ знаменательное, по нашему мнѣнію, броженіе среди молодыхъ такъ называемыхъ москвофиловъ, которые при усвоеніи ими руководящихъ соціальныхъ идей украинствующей радикальной партіи въ Галичинѣ, можетъ вывести руссиновъ на общерусскую литературную дорогу, которая одна совпадаетъ съ историческо-культурнымъ направленіемъ восточной Европы. Не менѣе знаменательнымъ, какъ и въ высшей степени отраднымъ мы считамъ братски-толерантное отношеніе радикаловъ къ пробуждающимся москвофиламъ. Но гораздо продуктивнѣе былъ бы поворотъ въ существующей уже организаціи, т. е. въ средѣ украинствующихъ радикаловъ. Изъ напечатаннаго въ органѣ радикальной партіи „Народ" списка вопросовъ, на которыхъ будутъ сосредоточены совѣщанія съѣзда, мы видимъ, что принципы

сантиментально - рабскаго увлеченія Шевченкомъ (14)

„Громады", которыхъ такъ цѣпко держались (а можетъ быть и впредь держаться будутъ) основатели партіи, начинаютъ понемногу и въ Галичинѣ терять свой самодержавный кредитъ. Съѣздъ политической партіи получаетъ по этому вопросу характеръ кружка, собирающагося только жить и дѣйствовать и съ этой цѣлью начинающаго съ букваря общественныхъ вопросовъ. Это, конечно, не бѣда. „Лучше поздно, чѣмъ никогда" говоритъ одна пословица; а другая за нею: „Вѣкъ живи — вѣкъ учись". Будемъ поэтому надѣяться, что съѣзду удастся покончить съ нѣкоторыми удивительными суевѣріями, какія можно было нерѣдко встрѣтить на страницахъ „Народа". Первымъ такимъ суевѣріемъ мы считаемъ то, что марксизмъ будто бы декретируетъ, предписываетъ пролетаризацію трудящихся классовъ; что онъ, какъ это мерещится подчасъ иному отважному исповидцу, даетъ рецепты для *насажденія* капитализма. Ничто не можетъ быть оригинальнѣе такого утвержденія. Не менѣе оригинальнымъ является и то утвержденіе, что гдѣ-то существуютъ марксисты, которые только фабричный пролетаріатъ считаютъ достойнымъ вниманія соціалиста. Все, что можетъ утверждать всякій марксистъ, это то, что фабричный пролетаріатъ составляетъ наиболѣе активное ядро въ арміи эксплуатируемыхъ классовъ, почему оно и выдвигается раньше всѣхъ на политическую арену. Вниманіе соціалистовъ здѣсь ни при чемъ. Оно не причина, а слѣдствіе. Наконецъ, мы надѣемся, что въ виду тѣхъ научныхъ изслѣдованій, которыми ознаменовано торжество ученія, основаннаго Марксомъ, — торжество, которому каждый день, каждое новое изслѣдованіе приноситъ новые соки — къ числу такихъ изслѣдованій мы относимъ и знаменитый трудъ Моргана „О первобытномъ обществѣ"—съѣздъ съ большей строгостью, по крайней мѣрѣ съ неменьшей, чѣмъ къ Марксу, будетъ относиться къ разнаго рода картавымъ фразамъ о недостаточной „научности" современнаго научнаго соціализма, о „матеріалистичной метафизичности" Маркса, о томъ, что въ Европѣ-де марксизмъ съ грѣхомъ пополамъ еще выдерживаетъ критику, а вотъ по части Китая, такъ бабушка еще на двое ворожила. Въ этихъ фразахъ, правду сказать, чаще всего обиліе всякаго „esprit", но за то весьма сомнительный избытокъ пресловутаго „позитивизма", съ такимъ апломбомъ бьющаго себя въ перси.

(14) Само по себѣ оно, конечно, ничего. Рядомъ съ безцвѣтными или во всякомъ случаѣ не богъ вѣсть какъ важными вещами какъ „Посланіе", Шевченко создалъ и кое-что высокопоэтическое и даже крупное, какъ „Перебендя" и „Кавказъ". Но... „зачѣмъ же стулья ломать?" Вмѣсто этого, пора было бы украинофиламъ призадуматься надъ тѣмъ: почему это они уже 30 лѣтъ обречены носиться съ Шевченкомъ какъ съ писанной торбой?

да народными пѣснями — мы говоримъ здѣсь преимущественно о „старшихъ“ украинофилахъ — все положительное содержаніе послѣднихъ слагается изъ косности самодовольства, приправленнаго поношеніемъ „желтой крови“ и „объединителей“. Въ „объединители“ попалъ даже въ послѣднее время и самъ проф. Драгомановъ, который объ Украинѣ и по поводу Украины написалъ, кажется, больше кого бы то ни было изъ украинофиловъ. Да и никто, кажется. съ такой объективностью (впрочемъ, только передъ своими!) и талантомъ не изобразилъ намъ всей бѣдности, бездарности и скудости украинофильскаго творчества послѣ Шевченка, какъ именно М. П. Драгомановъ. Но, къ сожалѣнію, у него не хватаетъ—не знаемъ ужъ чего именно: умѣнія или желанія?—поймать, какъ говорится, черта за рога и добраться до настоящихъ корней украинофильской китайщины. Вмѣсто этого онъ подобно древнееврейскимъ пророкамъ всякую свою іереміаду заканчиваетъ какъ бы утѣшительнымъ восклицаніемъ, что придетъ-де часъ, когда Егова-исторія все-таки улыбнется своему украинофильскому Израилю.

Повторяемъ: только патологическое политическое состояніе Россіи помѣшало кучкѣ украинолюбцевъ отдѣлить въ изученіи украинской исторіи и этнографіи науку отъ политики, царство архива отъ царства живого. Помѣшало подмѣтить, что фактъ неудержимаго приближенія живого украинскаго языка къ общерусскому сильнѣе лингвистическихъ изслѣдованій Миклосичей, сильнѣе всякихъ поэтическихъ построеній о прелести автономно трезвонящихъ колокольчиковъ — народностей, сливающихся въ гармоническое гудѣніе большого вселенскаго колокола. Помѣшало подмѣтить, что исторія вовсе не идетъ путемъ предписанной ей нами музыкальности. Помѣшало подмѣтить всю призрачность того матеріала, на основѣ котораго строились

нерѣдко національно-философскія воззрѣнія, доходящія до опереточнаго комизма.

IV. Чѣмъ долженъ стать украинскій соціализмъ?

Полагая, что благосклонный читатель самъ съумѣетъ дополнить то, что въ тѣсныхъ рамкахъ нашего изложенія должно было поневолѣ остаться недосказаннымъ, мы перейдемъ къ краткому отвѣту на только что поставленный нами вопросъ.

Мы знаемъ уже изъ чего сложился украинскій соціализмъ. Мы выяснили содержаніе „русскаго" соціализма, какъ и содержаніе украинофильства, изъ котораго украинскій соціализмъ заимствовалъ существенныя черты своего украинства. Міросозерцаніе „русскаго" соціализма сосредоточивалось на интересахъ крестьянства. Къ этому же міросозерцанію украинскаго соціализма прибавилось метафизическое представленіе о мнимой національной обособленности украинскаго народа, изъ которой вытекалъ принципъ автономизма во главѣ его программы. Между тѣмъ примѣръ западно-европейскихъ государствъ, не исключая даже и Швейцаріи, показываетъ, что въ обществѣ, покоящемся на частной собственности и наемномъ трудѣ, автономизмъ не только призраченъ, но во многихъ случаяхъ прямо вреденъ для неимущихъ классовъ (15).

---

(15) Тутъ, пожалуй, умѣстно будетъ вспомнить о недавней (въ Іюлѣ 1891-го года) агитаціи въ пользу объединенія города Цюриха съ примыкающими къ нему общинами: Unterstrass, Oberstrass, Aussersihl, Wolishofen etc. Объединеніе это лежало въ прямыхъ интересахъ — экономическихъ, какъ и политическихъ — трудящихся

Выходъ для украинскаго соціализма можетъ быть

классовъ, почему противъ него и выступили враждебно богатые члены общинъ, особенно въ богатой общинѣ Валисгофенъ, — съ рвеніемъ и поэтическимъ жаромъ, способнымъ заткнуть за поясъ иного анархическаго декламатора. Пройденное путемъ общенароднаго голосованія объединеніе вызвало буквально ликованіе среди бѣдныхъ классовъ. Если бы рѣшала воля каждой общины *особо*, то нѣкоторыя общины, какъ Валисгофенъ, не могли бы быть присоединены; но тогда вся идея присоединенія потеряла бы значительную долю своей раціональности. Лучшіе законы послѣдняго времени, какъ напр. пройденный въ этомъ году путемъ всешвейцарскаго голосованія законъ о правѣ *частичной* ревизіи конституціи по иниціативѣ 50,000 гражданъ, обнимаютъ всю Швейцарію. Тотъ фактъ, что нѣкоторые полезные для трудящихся классовъ законы прошли въ Швейцаріи сперва въ наиболѣе *промышленныхъ* кантонахъ, говоритъ скорѣе противъ отстаиванія автономизма тамъ, гдѣ рабочій пролетаріатъ слабъ, а сильны напротивъ крупные землевладѣльцы и поющіе съ ними въ унисонъ мелкіе крестьяне-собственники. Силы, остающіяся втунѣ въ автономно-изолированномъ состояніи, могутъ стать живою силою въ объединенной борьбѣ цѣлой страны. Въ чрезмѣрности автономизма нельзя, по нашему мнѣнію, не искать отчасти и причины низкаго культурнаго уровня такихъ кантоновъ, какъ Ури и Унтервальденъ. Ничто, какъ извѣстно, такъ не дорого феодально-мужицкой буржуазіи, какъ неприкосновенность любезнаго ей права на невѣжество. И, по нашему мнѣнію, совершенно резонно, потому что ближайшей благодатью широкаго образованія является для нея роковое откровеніе капиталистической бухгалтеріи. Въ томъ же автономизмѣ кроется и причина прошлогодней тессинской революціи, вызванной самодержавнымъ гнетомъ клерикально-консервативной буржуазіи. Автономія Галичины и Чехіи потому именно и отстаивается польской шляхтой и чешской буржуазіей, что она направлена ко вреду эксплуатируемыхъ классовъ. Ojczyzna и Vlast' служатъ только незамѣнимыми трещотками для оглушенія святой простоты. Какъ бы, впрочемъ, ни стояло дѣло съ доводами pro и contra автономизма, одно несомнѣнно, что въ интересѣ трудящихся классовъ, принужденныхъ покидать свою тѣсную родину не только для поѣздокъ на теплыя воды, прежде всего лежатъ законы проведенные при общемъ избирательномъ правѣ и обнимающіе цѣлую страну. Тамъ же, гдѣ общеизбирательнаго права нѣтъ, автономныя словопренія только затемняютъ единство и солидарность цѣлей трудящихся классовъ всѣхъ странъ и несомнѣнно выгодны господствующимъ классамъ.

только одинъ. Это — отрѣшиться отъ специфическихъ особенностей „русскаго“ соціализма, какъ и отъ безпочвенности своего украинства. Развить эту мысль значило бы повторить все нами сказанное. Въ многочисленныхъ городахъ южной Россіи, которые украинолюбцы любятъ именовать украинскими потому только, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ живетъ одна-другая дюжина интеллигентовъ, склонныхъ къ построеніямъ объ украинонаціональной обособленности, украинскіе соціалисты найдутъ много и очень много живой и благодарной работы. Только такая постановка вопроса можетъ ихъ избавить отъ политическаго квіетизма и безплоднаго донкихотства. Возрастаніе аграрнаго *пролетаріата* расширяетъ сферу дѣятельности для *избытка* агитаціонныхъ силъ среди промышленнаго пролетаріата. Украинскій соціализмъ въ Россіи, если онъ только искренно желаетъ быть *соціализмомъ*, долженъ вмѣстѣ со своимъ русскимъ оригиналомъ примкнуть къ общеевропейскому, ко всемірному научному соціализму.

Цюрихъ, 13/25 Августа 1891 года.

Post Scriptum. По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ настоящая брошюра не могла быть напечатана *до* съѣзда галицкихъ радикаловъ. Но значеніе, которое она могла имѣть до съѣзда, остается за нею, по нашему мнѣнію, и теперь. Съѣзду же настоящій докладъ былъ своевременно посланъ въ рукописи. Послѣднюю мы получили обратно только 13-го Октября, почему напечатаніе брошюры еще болѣе затянулось.

Вмѣстѣ съ рукописью мы получили въ отвѣтъ нѣ-

сколько словъ отъ одного изъ членовъ комитета радикальной партіи, М. Павлика, извѣстнаго руссинскаго дѣятеля и борца за интересы народа. Изъ этого отвѣта, касающагося, главнымъ образомъ, вопроса объ языкѣ австрійскихъ руссиновъ, мы видимъ, что сжатость нашего (13-го) примѣчанія породила, повидимому, кой-какія неточности въ пониманіи того, что въ немъ сказано.

Уважаемый авторъ письма понялъ нашу мысль о почвенности русскаго языка даже въ Галичинѣ такъ, что мы проповѣдуемъ галичанамъ самоотреченіе и жертвоприношеніе въ пользу говорящей порусски Россіи. Между тѣмъ изъ діалектическаго развитія нашихъ руководящихъ взглядовъ, по возможности проведенныхъ нами на предъидущихъ страницахъ, только, кажется, и слѣдуетъ, что мы вели рѣчь объ интересахъ „жертвоприносителей", а не „жертвопринимателей", и что такая классификація уже потому не выдерживаетъ критики, что послѣдніе въ подаяніяхъ первыхъ нисколько не нуждаются: дѣло обстоитъ скорѣе какъ разъ наоборотъ.

Намъ важно было, опираясь на факты развитія въ его цѣломъ, намѣтить естественный путь къ удовлетворенію насущныхъ интересовъ именно тѣхъ, которыхъ мы, по мнѣнію нашего друга, обрекаемъ будто бы на „снѣдѣніе" другимъ. Если такое „снѣдѣніе" руссиновъ поляками, мадьярами и румынами и происходитъ въ дѣйствительности, то въ значительной степени (играютъ тутъ роль, конечно, и другіе факторы, о которыхъ мы уже говорили) это происходитъ именно по милости украинофильства, слишкомъ поздно выступившаго на арену конкурренціи съ окрѣпшими языками сосѣдей, а потому и безсильнаго задерживать „снѣдѣніе", котораго мы не декретируемъ, а *констатируемъ*. На нашъ взглядъ русскій языкъ, проведенный руссинами

въ школу и администрацію въ рамкахъ австрійской конституціи, могъ бы выдержать борьбу съ аристократическими языками. Если такое введеніе русскаго языка является, по мнѣнію автора письма, „фикціей въ виду нынѣшнихъ политическихъ условій“, т. е., если не ошибаемся, въ виду противодѣйствія такому введенію со стороны Вѣны, поляковъ, мадьяръ и румыновъ, то это только говоритъ за роковую неизбѣжность „снѣдѣнія“ руссиновъ этими противниками. Мы потому и считаемъ русскій языкъ почвеннымъ въ Галичинѣ, что онъ не милъ „господамъ“ изъ нѣмцевъ, поляковъ, мадьяръ и румыновъ. Украинофильство же мы считаемъ тепличнымъ и худосочнымъ между прочимъ по той именно причинѣ, что оно сказанныхъ господъ меньше волнуетъ. Мы однако думаемъ, что вопреки этому волненію руссины могли бы достичь плодотворныхъ результатовъ въ принципіально-сознанномъ усвоеніи русскаго языка сперва путемъ частной инициативы, а тамъ и легализировавъ эту инициативу. Фактически существующее въ Галичинѣ „москвофильство“ является въ данномъ случаѣ реальнымъ исходнымъ пунктомъ. Въ руссинскихъ школахъ могло бы на первыхъ порахъ найтись для русскаго языка, по крайней мѣрѣ, столько же мѣста, сколько ему удѣляется въ *берлинскихъ* гимназіяхъ. Если этого не поймутъ украинофильскіе радикалы въ Галичинѣ, то возрастающія пилигримства руссиновъ на заработки въ Россію — пилигримства, которымъ предстоитъ широкая будущность — научитъ ихъ иному пониманію вещей и интересовъ народа. Мы, конечно, не такъ понимаемъ введеніе русскаго языка, какъ это приписываетъ намъ, кажется, авторъ письма, что вотъ-де по щучьему велѣнію, въ 24 часа, быть въ русской Галичинѣ распространену русскому языку. Если украинскій языкъ въ Россіи фактически и не пользуется почти никакимъ правомъ гражданства, то въ Австріи руссинскій языкъ, т. е. языкъ, главнымъ

образомъ близкій къ книжному украинскому (мы говоримъ о литературѣ, а не о живой рѣчи, судить о которой по незнакомству съ нею не беремся), но не мало и къ русскому, а отчасти и къ польскому, фактически какъ и юридически пользуется правомъ гражданства. Тутъ стало быть искорененіе и навязываніе не только не законно, но и смѣшно. Мы стоимъ только за предупрежденіе и содѣйствіе—функціи, только и доступныя воздѣйствію субъективной воли — тому процессу, который клонится въ сторону постепеннаго и естественнаго простиранія русскаго языка среди галицкихъ руссиновъ въ интересахъ же послѣднихъ.

Мы назвали украинофильство въ Галичинѣ „тормазомъ" именно въ томъ смыслѣ, что, провозгласивши *прогрессивный* принципъ служенія эксплуатируемымъ массамъ народа, — напрасно почтенный авторъ письма укоряетъ насъ въ отрицаніи этой исторической заслуги украинофильства въ Россіи и Галичинѣ, — оно оказывается теперь безсильнымъ въ раціональномъ приложеніи своего принципа въ сферѣ экономической, а съ ней вмѣстѣ и литературной. Съ украинофильствомъ, воздвигнутымъ когда-то на стройности такъ называемой „эволюціи", случился пассажъ, столь же непріятный господамъ эволюціонистамъ, сколько и неизбѣжный съ точки зрѣнія принципа противорѣчій и отрицанія діалектическаго развитія: Vernunft превратилось въ Unsinn, а Wohlthat въ Plage.

О путяхъ же, какими можетъ идти усвоеніе русскаго языка въ Галичинѣ, мы уже вскользъ упоминали, а распространяться о нихъ тутъ не мѣсто.

Само собою разумѣется, что такъ какъ для соціалиста главную роль должно играть проведеніе соціальнаго, классового самосознанія въ руссинскія массы, то для *этой* цѣли слѣдуетъ непосредственно примѣнять языкъ, наиболѣе доступный этимъ массамъ. И въ этомъ выборѣ

наиболѣе, конечно, компетентны мѣстные, близкіе народу люди. Но людямъ въ положеніи галицкихъ руссиновъ не слѣдуетъ только, по нашему мнѣнію, упускать изъ виду предѣлы раціональнаго примѣненія языка, признаннаго ими за наиболѣе удобный путь къ преслѣдуемой соціальной цѣли; слѣдуетъ строго измѣрить, насколько отвлеченіе въ сторону возведенія средства въ цѣль, въ сторону націонализма не грозитъ имъ усвоеніемъ разныхъ призраковъ, затемняющихъ главную задачу.

1/13 Октября 1891 г.